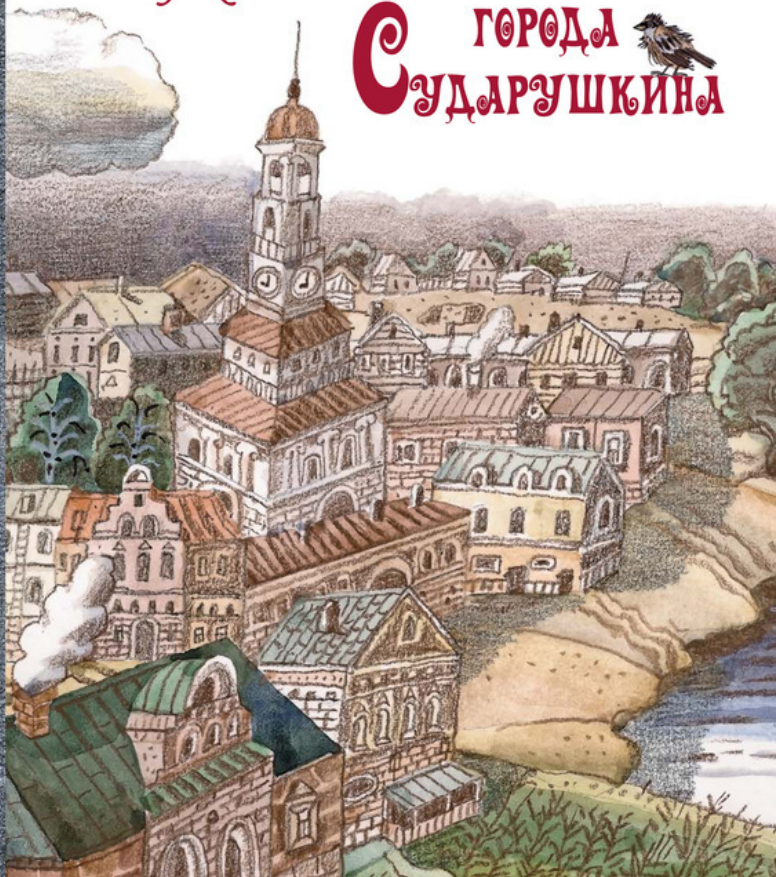

ВЛАДИСЛАВ БАХРЕВСКИЙ

ДИВНЫЕ ИСТОРИИ
ГОРОДА
СУДАРУШКИНА

Владислав Анатольевич Бахревский

Дивные истории города Сударушкина

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27342339

Дивные истории города Сударушкина: Октопус; Москва; 2016

ISBN 978-5-94887-116-5

Аннотация

«...Город Сударушкин был такой древний, что все только удивлялись. От иных столиц не только дворца или башни – имени не осталось, а город Сударушкин – целёхонек. Обошли его стороной войны, мор, всякая другая напасть...»

Содержание

Город Сударушкин и незнакомец	5
Девочка Скраешку	16
Свистулька, рожок и балалайка	23
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Владислав Бахревский

Дивные истории

города Сударушкина

© Бахревский В. А., текст, 2014

© Гошко А. В., иллюстрации, 2015

© Издательство «Октопус», 2015

* * *

Город Сударушкин и незнакомец

Нет более грустного существа, чем мокрый воробей. Вы представьте себе: огромное небо, огромная земля, холодный, бесконечный дождь и крошечный живой комочек – воробей. У меня от такой картины сердце сжимается.

Впрочем, история наша к воробью никакого отношения не имеет.

Город Сударушкин был такой древний, что все только удивлялись. От иных столиц не только дворца или башни – имени не осталось, а город Сударушкин – целёхонек. Обошли его стороной войны, мор, всякая другая напасть.

И вдруг – дождь.

Целое лето шёл нудный, капелька по капельке, до невозможности мокрый дождь. Весь день, всю ночь – кап, кап! Некоторые горожане стали потихоньку складывать вещи, а кое-кто уже и сбежал.

И вот однажды в город пришёл человек. Ну, совершенно ничем не выдающийся человек.

Впрочем, всё-таки выдающийся: он улыбался, один во всём городе.

– Здравствуйте! – говорил он прохожим. – Это и есть чудесный город Сударушкин? Ах, вот она, знаменитая башня! Какое же это счастье – жить в городе, о котором все знают.

И тут человек наконец заметил, что прохожие такие же хмурые, как небо над Сударушкиным.

– Я что-то не так сказал? В городе траур? Может, я могу

чем-то помочь?

– Грешно смеяться над бедными людьми! – пристыдила прищельца старушка под зонтиком.

– Смеяться? У меня и в мыслях такого не было! – удивился человек. – Объясните, в чём дело? Я готов послужить вашему городу.

– Нам никто не сможет помочь! – сказала старушка. – Нас заливают дождём.

Человек посмотрел на небо.

– Верно! Дождь. А я не обратил на него внимания, так был рад встрече с вашим городом.

Тут он ещё раз посмотрел на небо, на знаменитую, самую высокую, может, и на всей земле, башню, снял с головы шляпу и сказал:

– Этого будет вполне достаточно.

Не раздумывая более, он поднялся по крутым лестницам башни на последнюю смотровую площадку и потом, держась за скобы, стал подниматься на остроконечный шпиль.

Разумеется, собрались зеваки. Скоро весь город сбежался на площадь. Ведь никто не знал, что это за человек и зачем он полез на башню.

Пока горожане думали, как им быть, что предпринять, незнакомец подобрался к золочённому яблоку и водрузил на него шляпу.

– Осквернитель! – завопили горожане.

Но тут какой-то мальчик удивился:

– А дождя-то нет!

Мальчик был без зонтика.

Тогда и взрослые увидали, что дождя, действительно, нет. Вернее, он есть, но город был укрыт шляпой. Дождь ударялся о её широкие поля и скатывался за городские стены.

– Это же так просто! – сказали горожане. – И всё-таки да здравствует наш избавитель!

Когда незнакомец спустился на землю, все очень шумно радовались, но... Незнакомец не мог этого не заметить: люди говорили ему хорошие, даже очень хорошие слова и – морщились. Ни одной улыбки не увидел вокруг себя избавитель.

Тут бы всякий растерялся, а незнакомец поглядел-поглядел на горожан Сударушкина да и щёлкнул себя по лбу.

– Позвольте, милая барышня, ваш башмачок! – обратился он к девушке, которая принесла ему цветы.

Девушка удивилась, но просьбу героя исполнила. А тот

сунул в башмак руку, да тотчас и охнул.

— Я так и знал! — воскликнул он радостно. — У вас в башмаке гвозди! Незагнутые гвозди!

Сапожный молоток у пришельца оказался при себе, и он здесь же, на улице, принялся за работу.

Когда девушка надела свои башмаки, побывавшие в руках мастера, на лице у неё отразилось сначала полное недоумение, а потом...

А потом она улыбнулась. Просияла!

И вот ведь какие бывают совпадения! Тучи с неба в это же самое время ушли, и над Сударушкиным засияло солнце. Обыкновенное, но такоежданное солнце!

На площадь, где работал незнакомец, сбегались сапожники.

— Гвозди нужно загибать! — объяснил он им, не прекращая, впрочем, работы.

Сапожники осматривали обувь, чесали в затылках, крикали.

— Можно и загибать. Так ведь и так носят.

Но люди, у которых в ботинках и сапогах гвозди были уже загнуты, улыбались. А те, кого мучили гвозди, вдруг нахмурились, окружили сапожников и принялись засучивать рукава.

— Да нет, — спохватились сапожники. — Гвозди, конечно, можно загнуть. Да это мы мигом.

И тотчас принялись за дело. По всему Сударушкину застучали молотки, друг перед дружкой, один другого веселей. – Как же всё просто! – говорили горожане. – Ведь, кажется, и самим можно было додуматься до этого.

– Ну вот, – сказал незнакомец, загнув последний гвоздь. – Пора бы, кажется, и перекусить.

Харчевня, помещавшаяся на площади, называлась «Кара-сики». На прилавке горой лежали калачи, булочки, караваи, расстегаи, бублики, сушки, пряники. Пришлый человек взял бублик – не угрыз. Попробовал калач, а он с виду хорош, а

внутри – тесто, непечённое тесто!

Официант принёс сразу два блюда: карасики в сметане и карасики в масле.

– На них и смотреть вкусно! – воскликнул незнакомец.

– А вы попробуйте! – лицо официанта было длинное-длинное, оно вытянулось от постоянной скорби.

Незнакомец попробовал и отодвинул оба блюда: карасики в масле были пережарены, а в сметане совершенно сырые.

– Не объясните ли вы, почему так худо у вас готовят? – спросил незнакомец. – Ведь у вас даже хлеб несъедобен.

– Всё дело в часах, – вздохнул официант. – Вся наша жизнь была расписана по минутам. Но часы на башне остановились, и теперь мы никак не можем приспособиться. Одни встают поздно, другие рано. Тесто или перестаивает, или недостаивает. И так же со всякими другими блюдами.

– Но где же ваш часовщик?

– Он уехал погостить к тёте, да так и не вернулся. Ведь наш город заливало дождём.

– Прекрасно! Прекрасно! – сказал незнакомец и выбежал из харчевни.

Он снова поднялся на башню и отворил дверь, ведущую вовнутрь часов.

Часовщик Сударушкина был пребольшой лентяй. Чего только не набилось в часовой механизм! Из паутины можно было не только рубашку соткать, но целый кафтан. Всюду птичий помёт, кости, множество совиных гнёзд. Великая

стая сов, изгнанная незнакомцем из башни, изумила горожан.

– Принесите мне веник и маслѐнку! – крикнул сверху незнакомец.

Он обмѐл механизм, смазал, поставил стрелки по своим карманным часам и – пустил механизм.

– Дилли-дилли-бом! – ударили часы. – Дилли-дилли-бом!

И так семь раз.

Горожане плакали от радости, они соскучились по бою своих городских часов.

Когда незнакомец спустился с башни, повара в его честь барабанили половниками по кастрюлям.

– Как это просто! – сказали горожане.

И незнакомец согласился с ними:

– Ну конечно! Нужно только немножко решительности.

Дети, собравшиеся на площади, окружили героя и глядели на него во все глаза. Им хотелось вырасти такими же от-

важными, такими же умелыми и такими же сообразительными.

– Почему вы не играете? – спросил незнакомец детей.

– А как это? – в свою очередь спросили дети.

– Ну, хотя бы вот так!

И построил их парами. И побежал по площади нескончаемый, очень весёлый, звонкоголосый ручеёк.

Незнакомец заметил, что у многих детей в руках игрушечные трубы, флейты, пищалки.

– Давайте сыграем вечернюю песню! – предложил он.

– Но разве на этих дудках что-нибудь сыграешь? – удивились дети.

– Надо попробовать!

Незнакомец попробовал сам, у него получилось, а потом получилось и у детей.

И тогда они сыграли вечернюю песню:

Облака на небе гаснут,
Удаляются шаги.
Месяц ясный, друг прекрасный,
Свет для нас побереги.
Ты держи его, покуда
Не иссякнет ночи тень
И опять родится чудо –
Золотой работник-день.

Горожане открывали окна, слушали, как поют дети, и слё-

зы радости блестели у них на глазах.

Детей позвали домой.

Улицы опустели, затворились окна, затворились двери, и пришелец остался один. А небо темнело, остывали нагретые солнцем стены домов, кружили холодные ветерки.

Он сел на лавку, потом лёг. Увы! Разве заснёшь, когда холодно и есть хочется. Повара забыли всё на свете от радости: ведь они, как встарь, научились варить вкусную еду. Забыли повара про своего спасителя.

Продрог добрый человек, но пришла собака, прижалась к ногам. Ноги согрелись, лавка была широкая, собаке места тоже хватило. Чего ещё желать, когда ночью тепло и не одиноко.

Пришелец улыбался во сне.

– Разлёгся! Разулыбался! Собак развёл! – Это нагрянули ночные сторожа. – Прочь! Не то в шею затолкаем! В нашем городе бездомным нет места.

Вы огорчились? У хорошей сказки грустный конец. Правда, собака нашла хозяина, человек – друга. И всё-таки, всё-таки...

Но дальше вот что было.

Грубые речи разбудили одну сударушку. Она вышла из дома и сказала сторожам:

– Это же родной человек!

Взяла пришельца за руку и повела к себе.

– А собака? – спросил пришелец.

– Если она с тобой, то значит – наша! – ответила сударушка.

Знаете, я хоть и сказочник, а сказал себе: «Уф!»
Хорошо, когда всё хорошо.

Девочка Скраешку

О девочке по имени Скраешку много-то не расскажешь. Не сирота, но в семье одиннадцатая. Была б двенадцатая – это уж дюжина, улыбка и почтение, а вот одиннадцатая... Место за столом с краешку, еда – последки. Дали хлеб – в кулачке держи, дали тарелку – на колени ставь. Другое дело – посуду мыть. С краю работы начинаются.

Имя у одиннадцатой было, да его даже матушка не помнила.

– Эй, девка, которая с краешку! Убирай стол со своего конца. Да про голец не забудь, подмети под столом за братьями, за сёстрами.

Слабых птенцов даже аисты из гнезда выкидывают. У людей всё по-божески. Вот только тем, кто с краешку, даже улыбки материнской не достаётся.

Народ в городе Сударушкине не хуже других. В неурожайный год, в голодуху, девочку Скраешку взяли к себе сердобольные соседки.

Три сестрицы-кружевницы и в тяжкое время жили припеваючи. Ремесло кормило. Всякая невеста города Сударушкина заказывала кружевницам паутинку на плечи. Красота красотой, но главное – на счастье. Вслух про то не говорили, но всякий знал: узоры в паутинках – предсказание грядущей жизни, а может, и само счастье. Многие ли понимают, что у них на коврах выплетено, о чём сказывают вышитые скатерти, полотенца, а про кружева и говорить нечего.

Невесты старались угодить кружевницам и никогда с ними не торговались: сколько запрошено, то и выкладывай.

Девочка Скраешку, присмотревшись, как да что, стала помогать своим благодетельницам. Сначала подавала нужное, потом сама за крючок взялась. За простое. Простое выходило у неё так ладно, что сестрицы-кружевницы поглядывать стали на детское плетение – поглядывать и даже перенимать кое-что.

Должно быть, в не лучший день пришла к кружевницам бесприданница Маруся.

– Батрак Сеня матушку свою к моей матушке прислал. Сеня сердцем добрый и лицом светел. Но что поделаешь, не дал нам Господь достатка. Денег на кружева у меня нет, но руки-то вот они. Отработаю за кружево. Сказывают, ваши узоры на счастье.

– На судьбу! – сказала старшая из сестёр, самая строгая. –

На судьбу, милая. Принимайся за дело, выдастся свободный денёк, и мы на тебя поработаем.

Ах, как старалась Маруся, добрую судьбу приваживая. Уж какую чистоту да красоту в доме навела, хоть свадьбу играй. Приходила затемно и уходила затемно... Навела порядок в сенях, в амбарах. Даже мыши сбежали, не находя крошек. Печь топила с ласкою, и тепло в доме тоже было ласковое. Еду готовила немудрёную, но до того вкусную, будто щи да каша отдаривали Марусю за любовь любовью.

Месяц пролетел, как день, другой месяц, как другой день, третий, как третий. Вот уж и полгода минуло.

Набралась Маруся храбрости, подступила к сестрицам-кружевницам с вопросом:

– Осенью вам, добрые барышни, обо мне вспомнить было недосуг, но зима тоже на убыль пошла... Заждался меня Сеня.

– Успеете, наплодите бедноту! – сказала средняя сестрица.

Маруся вздохнула – и к печке-матушке.

Отлетела весна. Вот уж скорая гостья – лето красное – с порога глядит на минувший праздник.

Пала в ноги сестрицам-кружевницам Маруся:

– Осень вот она. Время свадеб. Найдите для моего кружева не денёк, так часок.

– Плохо ли тебе в таком доме, неблагодарная! – рассердилась меньшая сестрица-мастерица. – Хочешь счастья – по-

трудись.

Трудилась Маруся, себя не жалеючи, а Рождество уж через неделю.

Пришла в горницу; встала перед хозяйками, а слов нет, такими горькими слезами зарыдала – слёзы пол прожгли.

– Замучила ты нас! – закричала на работницу средняя сестрица. – На пол погляди! Ишь какое безобразие! Убирайся! Будет тебе кружево.

От злобы мастерства у мастериц не ubyло. Красотой прикрывали насылаемое несчастье, из худшего худа сплетали узоры.

С чего, казалось бы, злое в себе копить, на доброго человека глядя. Только ведь зло причину недолго ищет. Маруся – красавица, Сеня – молодец молодцом. Стало быть, и деток нарожают пригожих. Оба нищета и голытьба, а жить будут в счастье, в любви, в красоте. Сестрицы-кружевницы, зарабатывая деньги большие, старыми девами остались.

Не паутинку для Маруси – тенёту сплели. Узоры ядовитые прочили дюжину деток, да вся дюжина – уроды, каких свет не видывал.

Быть бы худу, но девочка Скраешку, когда сестрицы-мастерицы закончили работу для Маруси, по обычаю своему тоже руку приложила к узорам. Зубчики приплела. По всему кружеву.

Получила Маруся свой свадебный наряд, поглядела на красоту несказанную и расплакалась благодарными слезами:

– Спасибо вам, почтенные. Моя работа была проста. Ваша – вечная.

Ухмыльнулись сестрицы-мастерицы, отводя глаза от счастливой дуры.

А через год приехали к мастерицам Маруся и Сеня на тройке, привезли двойню показать. Мальчика и девочку. До того хороши детки: луна и солнце. За счастье благодарили. Оказывается, Сеню и Марусю за красоту их во дворец взяли. Сеню – дворецким, Марусю – в подруги княгине.

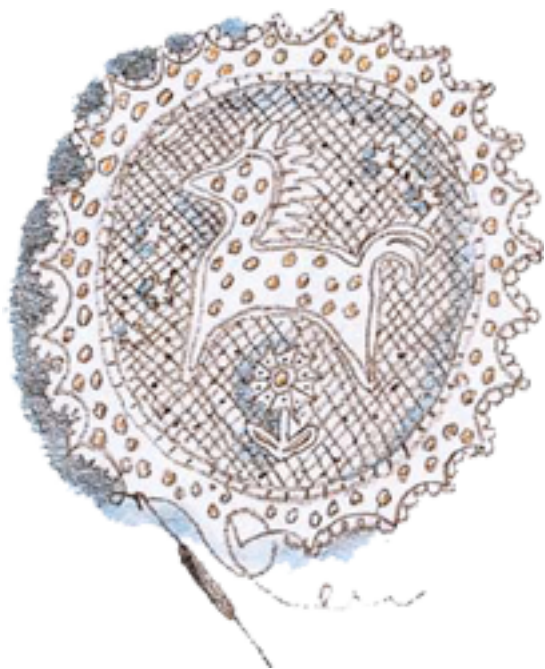
Сундук подарков мастерицам пожаловало счастливое семейство, а девочке Скраешку – куклу.

Долго сидели сестрицы-мастерицы, проводив гостей, уставясь в пол. Отметины слёз Марусиных разглядывали. И вдруг все три на девочку Скраешку воззрились.

– Твои зубчики спасли нас от гнева Господня. Вот тебе дом, вот тебе сундук и вот тебе крючок вязальный.

Тотчас поднялись и ушли из Сударушкина. Может, всё-таки от стыда.

Крючок, однако ж, в хорошие руки попал. Тот, кто у людей Скраешку, у Бога – в Красном углу, а сей угол – во главе самой жизни.

Свистулька, рожок и балалайка

Шило, да колодка, да моток дратвы – вот и всё, что оставил вдове сапожник. И ещё трёх сыновей. Ваню, Петю и Аристарха. Ребята погодки, старшему семь, младшему пять.

– Как же я их прокормлю-то?! – охнула вдова, и тотчас тук-тук.

Старичок.

– Беру твоих ребят в ученье. Учение моё – семь полных лет. Нынче они у тебя малыцы, а вернутся учёными молодцами.

Вдова от нечаянной радости даже не спросила, какому ремеслу собирается старичок обучать её родненьких. Благословила.

Когда в няньках да у чужой печи – жизни не видишь. Мигунья, сверкнёт – и нет её. Так и с годочками.

Пришла вдова с подённой работы поглядеть на свою избушку, а за столом все трое: Ваня, Петя и Аристарх.

В избе светло. На сыновьях белые рубахи. Посреди стола белый каравай, головка сахара и белые руки – Ванины, Петины и Аристарха.

– Здравствуй, матушка!

Сыновья встали, поклонились, подошли, ожидая поцелуя материнского. А матушка глядит на своих, на кровных, со страхом. Лицом те же, да очень уж смелые. И глазами, и обликом, и осанкою.

Снова сели ребята за стол, руки убрали и каждый выста-

вил перед матушкой плод учёбы.

Ахнула матушка прегорестно, но про себя.

Возле старшего сына, Вани, – свистулька. Баран с красными рогами. Перед Петей – костяной рожок. У младшенького Аристарха на коленях балалайка.

Столько лет ушло на баловство. Но мать она ведь мать, огорчения не выказала, у бедного человека вся жизнь – огорчение.

Ребят покормить бы, а в доме ни горошины, сухаря завалящего и того нет.

Побежала матушка к хозяину, на которого работала.

– Заплати, господин, за труды мои. Дети с учёбы в дом воротились.

Хозяин и говорит:

– Ты у меня семь лет работала. Сговорились мы с тобой: плачу я тебе денежку в день. Денежка малость. Да ведь каждый день по денежке – сколько дней-то в году! А сколько денежек в семи годах? Считать мне не сосчитать. А как сосчитаю, да три раза пересчитаю, тогда и приходи – за расчётом.

– Господин, коли считать долго, дай мне мучицы, того, сего – обедом сыновей надобно накормить.

– Я тебе мучицы дам да того, да сего. А потом всё это вычсть придётся из твоего заработка. Сколько счетов-то! Нет, милая, пошла-ка ты прочь! Мне голова дороже. От таких расчётов одуреть не долго.

Заплакала женщина, а что поделаешь? Главное – детям

слёз не показывать.

А ребята – вот они, у хозяйского крыльца матушку поджидают. Слёзы увидали, расспросили, что да как. Ваня и говорит:

– Ну вот и сгодился мой баран.

Свистнул – бежит круторогий. Вроде и баран, а с быка. Треснул лбом в ворота – ворота вдребезги. Треснул левым рогом по клетям – маковки с терема посыпались. Треснул правым по красному крыльцу – с терема крыша съехала.

Выглянул хозяин в оконце.

– Вот он, расчёт! Вот он.

А Ваня говорит:

– Мой баран лучше тебя считает. По его бараньему разумению, платить ты должен в день не по денежке, а по алтыну. Да сто рублёв с тебя за грубость.

Хозяин не перечит, баран в его сторону башкой уставился.

– Хорошо, знать, тебя учили, сынок! – сказала матушка. И порадовалась за Ваню и за себя.

Про барана, научившего считать степенного хозяина, слух обошёл город Сударушкин в тот же день. Пospешили к вдове сапожника знакомые и незнакомые. На её сыновей поглядеть, на свистульку Ванину.

Все знали про бедность вдовы, принесли вина, закусок. Выпили здравницы, поплясать бы. А тут дождь — да такой, будто небо прохудилось. Какое плясать, до дома не дойти. В избе теснота.

А Петя рожок костяной с пояса снял и погудел облакам.

Что за диво! Облака, будто им приказали, построились рядком и пошли прочь за горизонт.

— И тебя хорошо учили, Петя! — сказала матушка. — Учили и выучили.

А люди на Аристарха глядят:

— Сыграй! Плясать хочется. Добрых людей в нашем Сударушкине прибыло.

Аристарх по струнам балалаечки трень-брень. Солнце уж

на закат, а тут его словно бы обратно на небеса позвали. Встало над тучкой, лучи в пучки вяжет. Пучки – в сноп. И весь этот сноп осыпал бесприданницу – Стёршиеся Каблучки. Весёлая была девушка. Каблучков нет, но такую дробь рассыпала – всякому сердцу радость. Подол – колоколом, косы по ветру золотым обручем.

Глядит город Сударушкин на юную дивчину – первая красавица. Где ж на каблучки смотреть, если голова – золото, а сама как солнце.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.